

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ)

З. И. Годизова

З. С. Кокоева

В статье рассматриваются особенности грамматической категории залога в осетинском языке в сопоставлении с русским языком. Сравнивается количество залоговых форм, грамматические средства выражения категории залога, связь категории залога с переходностью и возвратностью, особенности выражения переходности-непереходности в русском и осетинском языках. Устанавливается, что в осетинском языке есть каузатив, который в русском языке выражается только описательно; наряду с основной страдательной конструкцией в осетинском языке имеется еще пассивная конструкция с причастием на -гæ, в которой пассивное значение может сопрягаться с модальным; страдательная конструкция в осетинском языке только причастная, между тем в русском языке у глаголов несовершенного вида страдательный залог образуется от личных форм при помощи постфикса -ся; слово хи в осетинском языке служит только для образования возвратного залога и является местоимением, между тем в русском языке -ся — это уже постфикс, бывшее местоимение, которое выполняет две функции: либо образует страдательную форму залога, либо является показателем возвратности; различия между переходными и непереходными глаголами в русском языке выражены только синтаксически, в осетинском языке переходность может проявляться семантически, синтаксически и морфологически. Сопоставляемые языки различаются и формальными показателями залога. Установлено, что в морфологической системе осетинского языка в большей степени присутствуют черты аналитизма.

Ключевые слова: Грамматическая категория залога, осетинский язык, русский язык, переходные и непереходные глаголы, действительный и страдательный залого, каузатив, возвратный залог.

The article deals with the characteristic features of voice grammatical category in the Ossetian language in comparison with the Russian language. It is compared the voice forms number, grammatical means of expressing voice category, voice relations with transitivity and intransitivity, peculiarities of the transitivity-intransitivity form in the Russian and the Ossetian languages. The authors state the existence of the causative in the Ossetian language, in Russian it is expressed only descriptively; simultaneously with the basic passive structure the Ossetian language has passive construction with participle -gæ, where its passive meaning can be combined with modal as well; passive construction in the Ossetian language is only participial, whereas in Russian imperfective aspect verbs form passive from personal verb is formed with postfix -sya; word hi in the Ossetian language is only designed for the reflexive voice and is a pronoun, while in Russian -sya is a postfix, former pronoun that forms either passive voice or indicates reflexivity; the distinction between transitive and intransitive verbs in the Russian language is expressed only syntactically whereas in Ossetian transitivity shows up semantically, syntactically and morphologically. The compared languages are differed in formal voice markers as well. It is ascertained that morphological system of the Ossetian language has more features of analytism.

Keywords: voice grammatical category, the Ossetian language, the Russian language, transitive and intransitive verbs, active and passive voice, causative, reflexive voice.

Грамматическая категория залога является одной из наиболее сложных и интересных глагольных категорий. В русском языке эта категория является универсальной, свойственной для всех глагольных форм — и личных (спрягаемых), и вербоидов. Залоговое противопоставление четко прослеживается среди всех глагольных форм.

Личные формы:

Доставляет — доставляется

Доставлял — доставлялся

Будет доставлять — будет доставляться

Доставлял бы — доставлялся бы

Доставил — был доставлен (доставлен)

Доставит — будет доставлен

Доставил бы — был бы доставлен.

Инфинитив:

Доставлять — доставляться

Доставить — быть доставленным.

Причастия:

Доставляющий — доставляемый

Доставляющий — доставляющийся

Доставлявший — доставлявшийся

Доставивший — доставленный.

Деепричастия:

Доставив — будучи доставлен.

Страдательный залог у деепричастий выделяет, например, Л. Л. Буланин [1], традиционно же считается, что у деепричастий только действительный залог.

В русском языке нет удовлетворительного определения категории залога, что отмечается многими учеными. Часто залог характеризуют следующим образом: формы залога выражают различные отношения глагольного действия к его субъекту [2, 3, 4, 5]; формы залога выражают различные отношения глагольного действия к его субъекту и объекту [6, 7, 8, 9]. Это так называемые семантические определения. Согласно этим определениям значение залога формируется на основе таких логических в широком смысле этого слова категорий, как действие, субъект и объект действия. Ни одно из приведенных определений нельзя считать достаточным, т.к., учитывая лишь характер отношений действия к субъекту и объекту действия, невозможно разграничить отдельные виды залогов глагола. Например, действительный и страдательный залогов (основные залогов в русском языке) выражают одни и те же отношения между субъектом и объектом действия или действия к субъекту и объекту, что признается и авторами приведенных определений. Действительный и страдательный обороты представляют собой параллельные синтаксические конструкции, по-разному отражающие в языке, в зависимости от целей, стоящих перед говорящим, одни и те же отношения действительности.

Более логичными представляются синтаксические определения залога: «Формы залога выражают различные отношения глагола к подлежащему» [10]; «Категория

залога представляет собой систему грамматических форм глагола, показывающих направленность или ненаправленность глагольного действия на предмет, обозначенный подлежащим» [1]; «Немаркированная форма залога указывает на исходное синтаксическое употребление глагола, формы производных залогов указывают на изменение этого исходного синтаксического употребления» [11].

Однако следует заметить, что удовлетворительного определения категории залога в настоящее время нет. Л. Л. Буланин пишет: «Так, классическое определение Б. Гавранка («Грамматическую категорию залога мы видим там, где при тождественном смысловом содержании... меняется отношение глагольного действия к субъекту и вообще ко всей конструкции предложения» [12, 14]) тоже уязвимо ввиду неопределенности понятий «субъект» и «тождественное смысловое содержание» [1, 7]. И далее Буланин отмечает: «Наше определение, похожее на ряд других, также страдает неопределенностью: как отличить направленность действия от ненаправленности? Ср. (1) *Шли недолго, в полдень оставились в странном лесу: везде стояли макеты пушек, повозок. Вроде и замаскированы, а на самом деле просматриваются.* (Колосов. Три круга войны.) (2) *По привычке корреспондента я вынул записную книжку. — Простите, как пишется ваша фамилия?* (Бек. Волоколамское шоссе.) (3) — *Неужели? — удивился Юрий, хотя он ниоткуда не мог знать, что такой вечер вообще предполагался.* (Соболев. Капитальный ремонт.) [1, 7-8]. Далее Буланин обращает внимание на еще один важный момент: определения залога ориентированы на предикативные конструкции как бесспорный центр залогового противопоставления, поэтому в них говорится о подлежащем (ориентация на подлежащее — традиционная черта определений залога).

Очень сложны для залоговой интерпретации безличные формы — активная и пассивная, составляющие периферию залогового противопоставления. Очевидно, определения залога рассчитаны на такие

случаи, когда различия актива и пассива вполне ясны. Для анализа трудных случаев необходимо использовать информацию о закономерностях употребления залоговых форм и структуре залоговых конструкций [1, 8]. Именно эти трудности подсказывают возможный (и надежный) выход из положения: все, что не относится к пассиву, относится к активу [1, 8].

При характеристике залога необходимо различать следующие понятия: грамматический субъект действия (реальный исполнитель, носитель действия), логический субъект (понятие о предмете мысли), подлежащее (один из организаторов, наряду со сказуемым, грамматических центров предложения), грамматический объект действия (предмет, на который направлено действие).

В залоговые формы каждого языка обычно входит морфологически исходная форма активного (действительного) залога (актива), когда субъект действия, например, в русском языке, выступает в им. п. и занимает позицию подлежащего, а объект действия выступает в вин. п. и занимает позицию дополнения. Выделяются также производные формы залога: пассивный (страдательный, пассив), когда в позицию подлежащего продвигается грамматический объект действия, являющийся одновременно логическим субъектом, а грамматический субъект действия занимает позицию дополнения; средний залог, указывающий, что действие исходит из субъекта и замыкается в нем; возвратный залог (рефлексив), указывающий, что действие направлено на само действующее лицо, которое является одновременно и субъектом, и объектом этого действия; взаимный залог (реципрок), обозначающий действие, совершаемое двумя или несколькими субъектами по отношению друг к другу; совместный залог (кооператив), обозначающий совместное действие двух или нескольких субъектов; совместно-взаимный залог, обозначающий либо совместное, либо взаимное действие двух или нескольких субъектов; побудительный залог (каузатив), указывающий, что действие на-

ряду с реальным субъектом имеет и так называемый каузирующий субъект, т.е. лицо, которое побуждает реального субъекта к выполнению действия и др. Центральными формами залога принято считать актив и пассив.

В русском языке традиционно выделяется два залога: актив и пассив [13, 1, 14 и др.], иногда к ним добавляется средневозвратный залог, который согласно первой точке зрения включается в актив (см., например: [9]). Между действительными и страдательными оборотами в русском языке имеются смысловые, стилистические и коммуникативные различия.

Среди ученых нет единого мнения относительно количества залоговых форм в осетинском языке: разные исследователи выделяют три [17, 15] или четыре [16, 17] залоговые формы. Н.К. Багаев описывает побудительную (каузативную) и пассивные (страдательные) формы, которые относит к сложным формам глагола [18, 339]; А.П. Выдрин подробно характеризует каузативные глаголы и пассивные залоговые конструкции [19]. Авторы учебника современного осетинского языка [20] К.Г. Джусоева, З.Б. Дзодзикова, Р.Г. Цопанова вообще не включают залог в набор грамматических категорий осетинского глагола.

В.И. Абаев констатирует, что общей морфологической системы залоговых противопоставлений в осетинском языке не существует, вместе с тем характеризует три залога: страдательный, побудительный и возвратный; действительный залог специально не рассматривается, но предполагается [16, 57-59]. Подробно он останавливается на том, как передается различие между переходными («действительный» залог) и непереходными глаголами («средний» залог, «медиопассив») [16, 57]. Это могут быть разные основы (например, *арын* — рождать, *гуырын* — рождаться), чередования гласных (*марын* — убивать, *мæлын* — умирать), появление в непереходном глаголе согласного *с* (*тавын* — греть, *таæфсын* — согреваться). Он отмечает, что различие между переходными и непереходными глаголами передается последовательно в про-

шедших временах [16, 58].

Страдательный залог, пишет В.И. Абаев, передается сочетанием причастия прошедшего времени спрягаемого глагола с глаголом *цауын* — идти, например: *араэзт цауын* — строиться [16, 59].

В. Миллер, характеризуя страдательный залог, отмечает, что он редко встречается и возможен в двух формах: 1) первая образуется из причастия прошедшего времени переходного глагола и некоторых форм вспомогательного глагола; 2) «вторая состоит, как кажется, из причастной основы некоторых переходных глаголов, удлинённой гласным окончанием *æ*, и некоторых форм 3-го лица ед. ч. (и только его) вспомогательного глагола» [21, 133]. Он пишет также о модальных оттенках, сопровождающих вторую разновидность страдательного залога: «Следует заметить, что второй пассив выражает возможность, обычность или необходимость действия и что при этом иногда, вместо ожидаемого именительного падежа, логический субъект стоит в родительном; так, в предложении *бахи афтаен'æwgærstæ ui* (М. 186) «лошадь так (таким образом) не режут» *бахи* стоит в род. падеже. Поэтому, возможно, формы на *-dæ*, — *tæ* воспринимаются как абстрактные имена и вышеприведенную фразу следует переводить: «лошадь (*бахи*) резание есть (совершается) не так». Разумеется, за отсутствием аналогии это объяснение остается спорным. Можно было бы только подчеркнуть, что *æ* всегда является ударным и что, возможно, в связи с этим пассивная форма от глагола *kaenin*, *kaenin* звучит *çindaæ*, *kindæ* (а не *kondaæ*)» [21, 133-134].

Побудительный залог выражается сочетанием инфинитива спрягаемого глагола с глаголом *канын* — делать, *бадын канын* — усаживать [16, 59]. Для выражения возвратного залога в препозиции к глаголу употребляется возвратное местоимение *хи*, например, *хи найын* — купаться [16, 59]. Это возвратное местоимение изменяется по лицам и числам наряду с глаголом.

Авторы «Грамматики осетинского языка» [17] определяют залог следующим об-

разом: «Залогом называется выражение в формах глагола отношений между субъектом (производителем) действия и объектом, на который направлено (переходит) действие. Следовательно, понятие залога в грамматике связано с более широким понятием переходности глагола» [17]. Далее отмечается, что осетинский язык располагает средствами выражения четырех залоговых форм: действительного, страдательного, побудительного и возвратного [17, 264]. Действительный залог выражается личной формой глагола и указывает, что подлежащее является производителем глагольного действия, в то время как в страдательном залоге подлежащее подвергается действию. Подчеркивается, что при страдательном залоге производитель действия обычно не указывается [17, 264]. Таким образом, определения основных залогов (актива и пассива) даются на основании логических понятий субъекта и объекта действия и грамматического понятия подлежащего. Кроме вспомогательного глагола *цауын*, участвующего в образовании страдательного залога, упоминается еще вспомогательный глагол *уын* — быть [17, 264]. У А.П. Выдрина указан еще глагол бытия *вагйын*, имеющий только форму настоящего времени индикатива [19].

Побудительный залог выражает действие, производимое подлежащим через кого-нибудь или по принуждению кого-нибудь [17, 265].

Возвратный залог указывает на возврат действия к подлежащему [17, 266].

Автор раздела «Глагол» в этой «Грамматике», Т.З. Козырева, однако, не соглашается с указанным пониманием залоговых отношений в осетинском языке и высказывает точку зрения, несколько отличную от изложенной. Она выделяет три залога: «В современном осетинском языке глагол различает четко три залога: действительный, страдательный и побудительный. Эти три залога противопоставляются как семантически, так и формально» [17, 266]. При характеристике страдательного залога автор смешивает понятия: грамматический субъект (понятие о производителе действия),

логический субъект (понятие о предмете мысли), логический объект. Так, она пишет: «При замене действительного залога страдательным логический объект действия или выпадает совсем или выражается описательно» [17, 267]. Очевидно, имеется в виду грамматический субъект, что подтверждают и приведенные ею примеры: *Кусджытæамайыны хæдзар* (действ. залог — Рабочие строят дом; в страдательном залоге: *Хæдзар амад цæуы кусджыты къухæй* — букв. Дом строится рукой рабочих или *Хæдзар амад цуы* — Дом строится; 1944 азы райдианы æмб. Габпаты И. А. æрвыст æрцыд АЕК (б) П-йы Махческы райкомы фыццаг секретарæй (газет «Растдзинад») — В начале 1944 года тов. Габпаев И. А. послан в качестве первого секретаря райкома партии Махческого района [17, 267]. Интересно следующее замечание Козыревой: «Эта форма страдательного залога встречается редко в произведениях нартского эпоса, а также в поэзии. Но она очень распространена в прозаических произведениях, в деловой литературе, особенно в языке периодической печати; к нему прибегают очень часто также и в разговорной речи» [17, 267]. На наш взгляд, в данных наблюдениях содержится некоторое противоречие, касающееся того, что страдательный залог одинаково характерен и для деловой литературы, и для разговорной речи.

Побудительный залог характеризует несколько иначе, чем в приведенном выше определении: «Побудительный залог выражает действие (состояние), производимое реальным субъектом (выше — подлежащим. — Авт.) через кого-нибудь или по принуждению кого-нибудь» [17, 267]. Автор обосновывает свое мнение относительно того, почему она не выделяет возвратный залог: «Сочетания глагола с местоимением *хи* нельзя считать глаголами возвратного залога, так как в них местоимение *хи* воспринимается как дополнение, а не как аффикс» [17, 267]. На наш взгляд, этот аргумент имел бы бесспорный характер в том случае, если бы осетинский язык относился к безусловным синтетическим языкам, в которых грамматические значения

выражаются исключительно посредством аффиксов. Однако осетинский язык, как и русский, является синтетическим языком с элементами аналитизма. Например, в русском языке глагол-связка *быть*, изменяющийся по лицам и числам, является средством выражения будущего времени глагола или частицы, которые не являются аффиксами, участвуют в выражении сослагательного и повелительного наклонений. Содержится некоторое противоречие и в том, что Козырева выделяет каузатив, который, однако, тоже образуется при помощи глагола *кæнын*, изменяющегося по лицам, числам, временам и наклонениям.

Н. К. Багаев специально категорию залога не характеризует, он выделяет побудительную (каузативную) и пассивные (страдательные) формы, которые относит к сложным формам глагола [18, 339]. Отмечается такая интересная разновидность каузатива, когда побуждение может быть двойным, то есть имеются три субъекта, из которых два являются последовательно каузирующими, например: *Директор ахуыргæнагæн скъоладзауты сбадын кодта* — Директор заставил (попросил) учителя посадить учащихся, *Дохтыр рынчыны сыстын кæнын кодта* — Врач заставил (кого-то) поднять больного [18, 340].

Выдрин подробно характеризует каузативные глаголы и пассивные конструкции [19]. Применительно к каузативу он отмечает, что вспомогательный глагол *кæнын*, при помощи которого образуется каузатив, изменяется по лицам, числам, временам и наклонениям [19, 81]. У отдельных глаголов, отмечает он, каузатив может образовываться чередованием гласных в основе (например, *марын* (убивать) — *мæлын* (умирать), *калы* (проливать, разливать) — *кæлын* (литься), которое у некоторых глаголов может сопровождаться также чередованием согласных и/или вставкой дополнительных согласных (например, *тавын* (греть) — *тафсын* (согреваться) — *тафсын кæнын* (согреть) [19, 82]. Он констатирует также, что в аналитических каузативных конструкциях каузатор всегда маркируется номинативом и согласуется в

лице и числе с глаголом *кæнын*, а каузируемый маркируется родительным падежом при непереходном глаголе и дательным падежом при переходном глаголе [19, 81].

Выдрин выделяет несколько пассивных конструкций: 1) основная пассивная конструкция, состоящая из причастия прошедшего времени смыслового глагола и вспомогательного глагола *уæвын* — быть, *цæуын* — идти или хабитуального глагола бытия *вæййын*; 2) пассивная конструкция с причастием на *-гæ*, в состав которой, кроме причастия, входит вспомогательный глагол *уæвын* — быть (или хабитуальный глагол бытия *вæййын*); 3) три модально-пассивные конструкции, в которых вспомогательный глагол согласуется с пациенсом: фацилитативно-дифицилитивная конструкция; конструкция деонтической необходимости; пассивно-долженствовательная конструкция [19, 83-89]. Он отмечает, что в основной пассивной конструкции вспомогательный глагол является носителем аспектуально-временной характеристики предложения, а агентивное дополнение передается аблативом (отложительным падежом). Интересно его замечание о том, что, хотя основная пассивная конструкция образуется от семантически, синтаксически и морфологически переходных глаголов, однако информанты разрешали образование пассива и от непереходных глаголов, в качестве примера он приводит морфологически непереходный глагол *кæсын* [19, 84]. На наш взгляд, нельзя считать данный глагол непереходным, основываясь только на морфологическом критерии, тем более что сам Выдрин отмечает ненадежность этого критерия и в другом месте характеризует глагол *кæсын* как семантически и синтаксически переходный: «Нужно заметить, что в современном осетинском языке некоторые семантически и синтаксически непереходные глаголы спрягаются по переходному типу (например, *æхснырсын* «чихать»), а некоторые семантически и синтаксически переходные (прямое дополнение маркируется номинативом/генитивом) глаголы спрягаются по непереходному типу (например, *кæсын* в значении «читать») [19, 68].

О пассивной конструкции с причастием на *-гæ* писал и Н. К. Багаев [18, 341-342]. Выдрин отмечает, что данная пассивная конструкция образуется от семантически, синтаксически и морфологически переходных глаголов, а также обращает внимание на то, что «выявление семантических различий между пассивной конструкцией с формой на *-гæи* основной пассивной конструкцией требует отдельного исследования» [19, 85]. Например: *Хуыцау, не 'ппæт дæр дæ ратгæ стæм*. — Господи, мы все Тобой созданы.

Из модально-пассивных конструкций, описанных Выдриным, о конструкции деонтической необходимости (не в такой терминологии. — *Авт.*) написано в грамматике В. И. Абаева [16, 65-66] и у Ф. Д. Техова [22], пассивно-долженствовательная конструкция упоминается в грамматике Н. К. Багаева [18, 341-342, 352].

Фацилитативно-дифицилитивная конструкция выделена и описана Выдриным [19, 85-86] и состоит из отглагольного имени на *-æн*, имени *зын* — трудность, трудный или *æнцон* — легкий, удобный и вспомогательного глагола *уæвын* — быть (или *вæййын*). Агенса употреблен в дательном падеже. Например: *Æнæ дæу мын зын цæрæн у*. — Без тебя мне трудно жить.

Конструкция деонтической необходимости образуется из причастия на *-гæи* или конверба на *-гæйæ* и вспомогательного глагола *уæвын* (или *вæййын*). Например: *Мæнæн ацы чингуытæ хæсгæ сты*. — Мне нужно отнести эти книги.

Пассивно-долженствовательная конструкция состоит из причастия будущего времени на *-аг*, образованного обычно от морфологически переходного глагола, но возможного и от морфологически непереходного глагола *касæн*, и вспомогательного глагола *уæвын* — быть (или *вæййын*). Агенса тоже употреблен в дательном падеже [19, 87]. Например: *Мæнæн ацы чиныг кæсинаг вæййы*. — Эту книгу мне бывает нужно читать.

Пассивная конструкция с причастием на *-гæ* и конструкция деонтической необходимости образуются одинаково и разли-

чаются только значением, во второй появляется модальный оттенок. На наш взгляд, вряд ли целесообразно такое разграничение этих двух конструкций только на основании значения.

Выдрин высказывает предположение, что значение внешней необходимости развилось в осетинском языке непосредственно из проспективного, именно поэтому часто возможно двоякое толкование подобных конструкций, как проспективной или пассивно-долженствовательной, например: Ирон *æвзаг ахуыр кæнинаг у* — Он собирается изучать осетинский язык или Осетинский язык нужно изучать [19, 89].

Отмечая отличия модально-пассивных конструкций от модально нейтральных пассивных конструкций, Выдрин отмечает, что в первых агенс маркируется дативом, а не аблативом, как во вторых. Кроме того, только пассивно-долженствовательная конструкция, как и модально нейтральные пассивные конструкции, образуется исключительно от переходных глаголов. Что касается фацитативно-дифицитативной конструкции и конструкции деонтической необходимости, то они образуются как от переходных, так и от непереходных глаголов [19, 89].

Мы придерживаемся мнения, что в осетинском языке следует выделять четыре залога: действительный (актив), страдательный (пассив), каузатив (аналитически образованный, а не каузативные глаголы), возвратный. В рамках пассива мы выделяем основную пассивную форму и форму с причастием на *-гæ*, имеющую два значения: пассивное и модально-пассивное.

Например, в нашем материале:

— **действительный залог:**

Æмæ йын уыйфæстæ уыдон хос кæндзысты. Бырсаг Йелтагъаны Быцегты къонайыл ныуагъта уыцы хсæв, йæхæдæг сæхимæ рацыд. Мах дуг, 8. 1996 [23]¹. — А потом они его будут лечить. *Бырсаг оставил* Елтагана у Биценовых в эту ночь, а сам ушел домой.

¹ Здесь и далее использованы материалы Осетинского корпуса национальных текстов (см.: [23]).

Бæх абаста бæхбæттæныл æмæ хæдзармæ бадзырдта. Ус æм ракаст, афтæмæй йын «æгас цу» загъта. Мах Дуг, 1. 1997. — Привязал коня и позвал. *Женищина выглянула и поздоровалась* (букв.: сказала «здравствуй»). — *Авт.*

Æцæг, Ханиффæ хуыссы уæлгоммæ, — йæ сæр хæцъилæй баст, йæ цæстытæ дзæгъæлгаст кæныни. Уацмыстæ Коцоиты Арсен 1895-1944. — Действительно, *Ханиффа лежит*, голова повязана платком, *глаза смотрят* в никуда.

— **основной страдательный залог:**

Адæмæн цуан царды фæрæз кæй уыд, уый тыххæй йе сфæлдыстады арæх фыста ирон фыссаг Гæдиаты Секъа дæр. Йе мдзæвгæтæн, йе мбисæндтæн се стыр хайфыст у сырдтыл æмæ мæргътыл. Ирон цуанæтты æгъдæуттæ æмæ æвзаг. Хъесаты Валодя 2010. — То, что охота является средством к существованию, часто писал в своей поэзии поэт Сека Гадиев. Большая часть его стихов, пословиц *написана* о зверях и пернатых.

Бæргæ, ныры фæлтæрд мæм куы удаид уæд, ныр æй бирæ хуыздæр ратæлмац кæнин, фæлæ конд æмæ мыхуыр цы рцыдис, скъолаты кæй фæцахуыр кодтой фæсивæд бирæ азты, уый ногæй тæлмац кæнын — хъыгдарыныхос у. Мах дуг, 10. 2003. — Конечно, если бы у меня был теперешний опыт, я перевел бы гораздо лучше, но то, что *сделано и напечатано*, то, что молодежь изучала в школе много лет, переводить это заново — это только создавать трудности.

Ивгъуыд æнусы 60-æм æмæ 70-æм азты Цæгат Ирыстоны скъолайы кары фæлтæртæ иуæй-иу сонт политикты фыдæй фæиптæрд сты сæ мадæлон æвзагæй. Мах Дуг, 4. 2010. — В 60-70 годы XX в. в школах Северной Осетии *поколения учащихся по вине безответственных политиков были разлучены* со своим родным языком.

Æз дæр ма йын йæ фыдæй мæ сæр бæрзæндтыхæстон, нæ мыггаджы æгайтма ахамгуырды ис, зæгъгæ. Ахæм афтгид-зæрдæ разындзæн, уый æнхъæл та йын чи уыд! Погасший луч солнца. Дегоева С. М. 2002. — Даже я гордился его отцом, радуясь, что в нашей фамилии *рожден* такой. Кто мог по-

думать, что он окажется таким бессердечным!

— *форма с причастием на -гæ в модально-пассивном значении:*

Фæлтау мын мæ æйчытыл схæц уæләмæ! — Уый та куыд æмбаргæ у?! — Цы'мбарын дзы хъæуы?! Мах Дуг, 5. 2008. — Лучше помоги поднять яйца наверх! — Как это следует понимать?! — Что тут понимать?!

Ды хицау дæ. Цы зæгъай, уымæ нын æнахъусгæ нæй. Мосье Папийон. Мах дуг, 3. 1997. — Ты хозяин. Что скажешь, нам нельзя этого послушаться.

Фæлә цæмæннæ хъуамæ æрзайа ног тыллæг, кæд æмæ агротехникон æгъдауттæм гæсгæ уый гæнæн ис, кæд æмæ нын мæ агрономон практикæ уый уырнын кæны, уæд? Нæ, ацы байтыдтæн æнæ рзайгæ нæй! Бестаев Г.Г. Произведения. 2004. 3 том. — Почему не должен вырасти новый урожай, если по законам агротехники это возможно, и агрономическая практика убеждает нас в этом. Этим посевам нельзя не вырасти.

Цыфæнды хъæздэг дæр гæвзыкмæ æрцæудзæн, сомбоны сагъæс куы нæ кæна,уæд. Цыфæнды магуыр дæр йæхи дарынхъом суыдзæн, фæллоуы ад куы банкъара, алыцдæр йæхицæй аразгæ кæй у, уый куы бамбара, уæд. Мах дуг, 5. 1996. — Любый богатый может стать нищим, если не будет думать о будущем. Любый бедный сможет себя содержать, если почувствует вкус богатства, если поймет, что все может быть сделано им самим.

Гъемæ, зæгъын, мæн нæ мыггаджы машинаджынты куывды ницы хъуыддаг ис. Цыбыр дзырдæй, Бегсаматы мыггаджы лæгтæн кæддæр иу зондмæ æнæ рцæугæнæй, загъта Солтан. Мах Дуг, 6. 2012. — Считаю, что мне не место на пиру богатых представителей фамилии. Короче, мужчинам из фамилии Бегматовых рано или поздно невозможно будет не прийти к одному мнению, сказал Солтан.

Дæләмæ куы цæуа, уæд дæр раст ныйсын нæ бафæраздзæн йæ къах æмæахаудзæн. æнæ ахаугæ йын нæй, куыддæр фезмæла, афтæ атулдзæн дæләмæ ацы ду-

рын асинтыл æмæ ныцъцъæл уыдзæн. Мах Дуг, 4. 2010. — Когда будет идти вниз, не сможет правильно поставить ногу и упадет. Невозможно ему не упасть, как только он пошевелится, покатится вниз по каменным ступеням и расшибется.

Форма с причастием на -гæв пассивном значении (Хуыцау, не 'ппæт дæр дæ ратгæ стæм — Господи, мы все Тобой созданы), без модального оттенка, очевидно, не так часто встречается, в имеющемся материале она не зафиксирована.

— *каузатив:*

Хадизæ сæ æрыхъуыста æмæ уый йæ хистæр хоимæ дæр не схъуыргъуындаг Тауызбегæй Мусйайы æхсæн зæд атахын кодта. Мах Дуг, 6. 2008. — Хадиза услышала и не стала спорить со своей старшей сестрой, между Таузбегом и Муссой заставила пролететь ангела.

Фæлә ахæстоны бирæ рæстæг нæ абадт. Йæ усæн куыддæртæй ахæстонмæ æхца бахæссын кодта æмæ ногæй сæрибармæ йæхицæн фæндаг байгом кодта. Мах Дуг, 6. 2008. — Но в тюрьме недолго пробыл. Каким-то образом заставил жену принести в тюрьму деньги и открыл себе дорогу на свободу.

Ирон æфсарм Базыджы йæ хъуызджы абырын кодта æмæ талынг къуымы нынныгъуылд. Мах дуг, 10. 2002. — Осетинский стыд заставил Базыга залезть в свою скорлупу и спрятаться в темном углу.

Æз зæгъын, æрмæст сæйраг цы у, уый: дурамыр историйы хуылфмæ нæ ныккæсын кодта драматург æмæ нын фенынкодта йæ сусæгдзинад, райхæлдта нын йæ рæстдзинад. Произведения. 3 том. Бестаев Г.Г. 2004. — Я скажу только о том, что является главным: драматург заставил нас вникнуть в безмолвную историю и показал нам ее тайны, раскрыл ее правду.

— *возвратный залог:*

Йæхи рауварс кодта: — Чи дæ, цы дæ хъæуы? Мах Дуг, 7.1998. — Он отошел (букв.: убрался. — Авт.) в сторону: — Кто ты? Что тебе надо?

Уый намыс æмæ æгъдау мады гуыбынæй рахаста. Уый æгъдау хæсджынаей йæхина нъууадздзæни. Айларов И., Гад-

жинова Р., Кцоева Р. Пословицы. 2005. — Честь и обычаи он вынес из утробы матери. Он *не останется* в долгу.

Что касается двух других пассивно-модальных конструкций (пассивно-долженствительной конструкции с причастием будущего времени на *-инаг* и фацитативно-дифицитативной конструкции, состоящей из отглагольного имени на *-æн*, имени *зын* — трудность, трудный или *æнцон* — легкий, удобный и вспомогательного глагола *уæвын* — быть (или *вæййын*), описанных А.П. Выдриным, то в них актуален не столько элемент страдательности, сколько безличность. Фацитативно-дифицитативная конструкция является безличной, выражает значение состояния и близка конструкциям с категорией состояния в русском языке. В конструкциях с причастием будущего времени на *-инаг* актуально модальное значение целесообразности, хотя в каких-то контекстах присутствует элемент страдательности, но скорее имплицитно.

Таким образом, грамматическая категория залога в осетинском языке имеет следующие особенности, отличающие ее от категории залога в русском языке:

— в осетинском языке существует каузатив как особая залоговая форма, в русском языке каузативное значение может выражаться только аналитически (например, *Он попросил меня отнести книгу в библиотеку*);

— страдательная конструкция в осетинском языке только причастная, между тем в русском языке глаголы несовершенного вида образуют страдательный залог от личных форм при помощи постфикса *-ся* (Дом *строится* рабочими. Письма *разносятся* почтальоном), а глаголы совершенного вида — при помощи кратких страдательных причастий (Дверь *закрыта* сторожем. Забор *окрашен* рабочими);

— наряду с основной страдательной конструкцией в осетинском языке существует пассивная конструкция форма с причастием на *-гæ*, в которой пассивное значение может сопргаться с модальным;

— возвратная частица, которая в осетинском языке служит для образования

только возвратного залога, склоняется, между тем в русском языке *-ся* — это уже постфикс, бывшее местоимение, которое выполняет две функции: следует различать страдательный залог с постфиксом *-ся* и возвратные глаголы с постфиксом *-ся* (ср. грамматическую омонимию: Тяжелый груз медленно *спускается* на землю и Он медленно *спускается* по лестнице);

— различия между переходными и непереходными глаголами в русском языке выражены синтаксически (переходные глаголы сочетаются с вин. п. без предлога, непереходные — не сочетаются), в осетинском языке переходные глаголы могут отличаться от непереходных еще и морфологически — чередованием гласных (иногда — согласных), иногда переходные и непереходные глаголы являются разными лексемами (Выдрин выделяет семантически, синтаксически и морфологически переходные и непереходные глаголы [19]);

— грамматическими средствами выражения страдательного залога в осетинском языке являются суффиксы причастий *-д*, *-т*, *-гæи* вспомогательные глаголы *уæвын*, *цæуын*, *вæййын*; грамматическим средством выражения побудительного залога (каузатива) является вспомогательный глагол *кæнын*; возвратного залога — местоимение *хи*. В русском языке страдательный залог выражен при помощи постфикса *-ся* (у глаголов несовершенного вида); суффиксов причастий *-н-* (*-нн-*), *-т-*, *-м-*. Действительный залог грамматических средств выражения не имеет и в русском, и в осетинском языке. Анализ формальных показателей позволяет сделать вывод, что в морфологической системе осетинского языка в большей степени присутствуют черты аналитизма;

— агентивное дополнение в осетинских страдательных конструкциях выражено аблативом, в русском языке — творительным падежом. В осетинских страдательных конструкциях редко указан производитель действия, это характерно и для русского языка, в котором наиболее распространены двучленные страдательные конструкции.

1. Буланин Л. Л. Категория залога в современном русском языке. Л., 1986.
2. Фортунатов Ф. Ф. Критический разбор сочинения Г. Ульянова «Значение глагольных основ в литовско-славянском языке» (Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г.) // Сборник Отд. русского языка и словесности. СПб., 1897. Т. 64. № 11. С. 121.
3. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
4. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. М., 1972. С. 95-114.
5. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
6. Потевня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1977. Т. 4.
7. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.
8. Русская грамматика: В 2 т. М., 2005.
9. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. М., 1987. Ч. II. Словообразование, морфология.
10. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология: В 2 ч. Братислава, 1960.
11. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
12. Navránek V. Genera verbi v slovenských jazycích. Praha, 1928. I.
13. Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
14. Современный русский язык/Под ред. В. А. Белошапковой. М., 2003.
15. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.
16. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
17. Ахвледиани Г. С. Грамматика осетинского языка. Орджоникидзе, 1963. Т. I. Фонетика и морфология.
18. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Орджоникидзе, 1965. Ч. I.
19. Выдрин А. П. Глагол в осетинском языке // Востоковедение. Историко-филологические исследования. Межвузовский сборник статей. СПб., 2014. Вып. 30 (заключительный). С. 5-81.
20. Джусоева К. Г., Дзодзикова З. Б., Цопанова Р. Г. Современный осетинский язык. Для студентов высшей школы (на осетинском языке). Владикавказ, 2010.
21. Миллер В. С. Язык осетин. М.-Л., 1962.
22. Техов Ф. Д. Выражение модальности в осетинском языке. Тбилиси, 1970.
23. Осетинский национальный корпус [Электронный ресурс]. URL http://corpus.ossetic-studies.org/search/?interface_language=ru